
Валентина Кустова
Сквозь пепел
Самиздат

Валентина Кустова

Сквозь пепел

«Автор»
2026

Кустова В. А.

Сквозь пепел / В. А. Кустова — «Автор», 2026

Это история о том, как собрать себя заново из осколков рухнувшей реальности, научиться доверять — сначала себе, а потом и другому человеку. История о боли и исцелении, о страхе и смелости, о том, как из «я — чьято жена» превратиться в «я — это я». И о том, что даже после самого тёмного вечера может наступить утро, в котором найдётся место не только для выживания, но и для новой жизни — и, возможно, для новой любви.

© Кустова В. А., 2026
© Автор, 2026

Валентина Кустова
Сквозь пепел

Алиса стояла у кухонного стола, и вечерний свет падал на её руки, когда она резала помидоры. Нож входил в мякоть с мягким хрустом, и этот звук был единственным, что заполняло тишину пустой квартиры. Она чувствовала, как скользит по пальцам прохладная кожица, как пахнет свежая зелень - и этот запах смешивался с ароматом остывшего кофе, который всё ещё стоял на столе. Она его не выпила, задумавшись.

Денис вернётся через три дня. Она считала часы, не потому что скучала, а потому что внутри неё пульсировало что-то новое, что она пока не решалась выпустить наружу. Тест лежал в ящике комода, между запасной зарядкой и старыми счетами за коммуналку. Она не знала, как сказать. Не словами - она знала слова. Она не знала, как после этих слов продолжать быть той же, что до них.

Она резала помидоры и думала, что хочет, чтобы в этот вечер всё было как раньше. Обычно. Тепло. Она поставит тарелку на стол, он сядет напротив, и она скажет: «Я тебя люблю, и кажется, нас будет трое». Она представляла его лицо, улыбку, его руки, которые обнимут её. Это обещание покоя тёплой волной разливалось в груди.

Краем глаза она заметила лёгкое мерцание. Ноутбук Дениса стоял на краю стола, вполоборота к ней, и на экране мелькнуло уведомление. Она отвела взгляд, царапнув пальцем шероховатость клавиши. Она не хотела портить вечер. Впереди был ужин. Впереди была новость. Она верила, что в этом вечере ещё можно удержать всё неразбитым.

Полусумрак раннего утра лежал в прихожей ещё плотным, не до конца рассеявшимся слоем. Запах кофе из кухни мешался с холодом, тянущим от входной двери, и этот контраст - дома и улицы - Алиса чувствовала кожей. Денис возился с молнией дорожной сумки, и она стояла рядом, готовая подхватить, поправить, удержать нить сборов, чтобы ни одна секунда не выпала из привычного порядка.

-Зубную щётку не забыл? В боковом кармане.

Он хмыкнул в ответ, не оборачиваясь, и Алиса поймала себя на том, что смотрит на его спину с каким-то старым, почти материнским теплом. Она на мгновение прижалась щекой к его плечу, втягивая запах его кожи - того самого, что оставался на подушке после его отъездов. Она хотела запомнить это. Чтобы было с чем ждать.

Потом он повернулся, взял её лицо в ладони, коротко поцеловал - по-утреннему, сухо. Она улыбнулась, но улыбка вышла чуть длиннее, чем он заметил. Внутри неё лежал тот тест. Новость, которую она снова откладывала. Она решила, что скажет после его возвращения - когда всё уляжется, когда командировка закончится, когда тревога от вчерашнего уведомления растает сама собой. Она задвинула его глубже, как неудобную вещь на полке, до которой не хочется дотягиваться.

-Я позвоню вечером. Не скучай.

-Не буду. Смотри не простудись там.

Он взял сумку, и дверь открылась, впуская серый утренний свет лестничной клетки. Алиса стояла в проёме, чувствуя, как воздух за его спиной становится чужим и пустым. Шаги стихли через три пролёта. Дверь захлопнулась с лёгким, окончательным щелчком.

И тогда тишина в прихожей стала другой. Не той, что была минуту назад, - наполненной дыханием двоих. Теперь в ней осталась только она. И где-то внутри, под слоем кофе и домашнего тепла, начинало нарастать то самое беспокойство, которое она так старательно не замечала.

2 глава

Ночь сгустилась за окнами, и квартира стала другой. Свет в коридоре горел, но его не хватало, чтобы заполнить углы. Алиса сидела на краю дивана в кабинете, и тишина давила на уши сильнее, чем любой шум. Она слышала, как гудит холодильник на кухне, как тикают часы в гостиной -и как где-то в груди пульсирует мысль, которую она пыталась удержать за зубами.

Она встала, подошла к столу, провела пальцем по крышке ноутбука. Металл был ещё тёплым -Денис работал за ним утром, перед отъездом. Она смотрела на экран, потухший и тёмный, и внутри неё что-то тянулось к нему, как рука к горячей плите, которую нельзя трогать.

«Не надо», -сказала она себе вслух, и голос прозвучал жёстче, чем она хотела. Она отошла к окну, вцепилась в подоконник, вгляделась в тёмные силуэты деревьев за стеклом. В углу кабинета стоял стул, на котором Денис обычно сидел по вечерам, и пустота этого стула была громче любых слов.

Она знала, что стоит на пороге. Что одно движение -и вечер рассыплется, и все планы, всё «после возвращения» станут бессмысленными. Она выбрала не трогать. Не потому что доверяла - а потому что боялась, что вечер не выдержит правды.

Она выключила верхний свет, но в спальню ушла, оставив лампу на столе гореть. Свет остался. И ноутбук остался. И тишина осталась.

3глава

Следующий вечер наступил медленно, как будто день не решался перейти в ночь. Алиса снова стояла у стола в кабинете, и в руке у неё была влажная тряпка, которой она собиралась пройтись по клавиатуре. Крошки от утреннего тоста застряли между клавишами - она заметила их ещё вчера, но тогда не было сил. Теперь она водила пальцем по пластику, собирая мелкие частицы, и в этом жесте было что-то успокаивающее: убрать, очистить, вернуть порядок в тот уголок жизни, который ещё можно контролировать.

Она нажала на пробел, чтобы протереть под ним, и экран засветился. Ноутбук не был выключен - он просто ушёл в спящий режим, и её случайное движение смахнуло его в бодрствование. На экране открылась переписка, которую Денис не закрыл перед отъездом. Мессенджер. И в строке получателя - Леночка

Она замерла, и тряпка повисла в воздухе, не донесённая до стола. Сообщения были прямо перед ней: «я скучаю», «когда ты вернёшься?», «я хочу тебя видеть». Она смотрела на них, не в силах отвести взгляд, и где-то под рёбрами начало расти то самое, что она откладывала двое суток. Тряпка выпала из пальцев, и она села на край стула, не чувствуя его жёсткости.

Она знала, что может закрыть крышку и уйти. Что завтра это станет просто подозрением, а не фактом. Что у неё ещё есть выбор - остаться в той версии реальности, где Денис её любит, а уведомление было случайностью. Но пальцы уже легли на тачпад, и она листала вверх, потому что не могла остановиться. Потому что правда, даже самая страшная, была лучше, чем эта липкая неизвестность, в которой она задыхалась второй день.

«Фото», -прочитала она под заголовком. «Планы на выходные». «Полгода», -прошептала она вслух, и голос прозвучал так, будто говорил кто-то другой.

Она листала вверх, и каждое новое сообщение врезалось в неё острее предыдущего. Там была целая жизнь, которую она не знала. Там были его слова, обращённые к другой, его смех, его время. И чем выше она поднималась по переписке, тем тяжелее становились пальцы на тачпаде. Она не могла остановиться. Там было ещё полгода.

4глава

Она сидела в темноте кабинета, и единственным источником света был экран ноутбука, подсвечивающий её лицо снизу. Полгода переписки уместились на несколько экранов прокрутки, и она читала их все, не пропуская ни одного слова. Фотографии с выходных, которых она не помнила, потому что их не было в её жизни. Совместные планы на субботу, когда Денис говорил ей, что занят на встрече с партнёрами. Сообщения, отправленные среди ночи, когда она спала в той же постели, в двух метрах от него.

Каждое новое слово входило под кожу, как заноза, которую уже не вытащить. Она не плакала. Слёз не было - только сухость в горле и холод, ползущий от пальцев к груди. Она заставляла себя читать, потому что не знать было хуже. Потому что правда, какой бы она ни была, закрывала ту дверь, за которой ещё теплилась надежда, что это ошибка, что она неправильно поняла, что это шутка.

«Я скучаю по твоему смеху», - написал он в марте. «Ты моё утро», - в апреле. «Не могу дождаться, когда ты вернёшься», -в мае.

Она смотрела на даты и понимала, что всё это время он был с ней, но где-то глубоко внутри него жила другая жизнь, в которую у неё не было доступа. Измена была не случайностью - она была выбором, который он делал каждое утро, просыпаясь рядом с ней.

Она листала до конца, до самого последнего сообщения, и когда экран остановился на пустоте, она поняла, что больше нечего читать. Всё, что можно было узнать, она узнала. Полгода. Шесть месяцев. Сто восемьдесят дней, в течение которых она верила, что её брак- это то, чем она его считала.

Ноутбук всё ещё светился, и свет падал на её руки, сложенные на коленях. Она не двигалась. Не потому что не могла - потому что не знала, куда идти теперь, когда стены её мира схлопнулись внутрь. До рассвета оставалось несколько часов. Она сидела в темноте, одна, и внутри неё не было ничего - ни крика, ни слёз, ни желания позвонить кому-то и сказать. Только пустота, которая разрасталась с каждой секундой.

5 глава

Рассвет просочился в кухню серым, нерешительным светом. Алиса сидела за тем же столом, где вчера резала помидоры, и чашка с остывшим кофе стояла нетронутой - она не помнила, когда налила его. Пальцы лежали на столешнице, холодные и неподвижные, и телефон рядом с ними казался единственным мостом к миру, в котором ещё можно было дышать.

Она набрала номер Кати и слушала гудки, считая каждый. На четвёртом ответили, и голос подруги прозвучал сонным, но сразу насторожившимся.

-Кать. Я не знаю, с чего начать.

Она замолчала, и в тишине трубки было слышно, как она дышит - прерывисто, неглубоко, будто воздух застревал где-то в горле. Слова не шли, и она смотрела на тёмный экран телефона, чувствуя, как внутри неё что-то развязывается.

-Алис. Что случилось? Ты где?

-Дома. Я всю ночь не спала. Я читала его переписку.

Она сказала это, и голос дрогнул на последнем слоге, но не сломался. Катя молчала несколько секунд - и в этом молчании Алиса слышала, как подруга переваривает сказанное, как примеряет его к себе, к той картине мира, где Денис был просто мужем, а её подруга - просто счастливой.

-Ты уверена?

-Я видела. Полгода. Фото. Сообщения. Он с ней.

Катя выдохнула, и в этом выдохе было что-то, что сломало последнюю стену между ними. Голос подруги стал другим - не растерянным, а собранным, твёрдым, как рука, которая знает, что делать.

-Слушай меня. Собирай вещи. Самые нужные. Документы, деньги, одежду на несколько дней. И поедешь ко мне. Сейчас. Не жди его, не думай, не пытайся понять. Просто собирайся. Я приеду через час.

Алиса смотрела в одну точку на столе, и слова Кати входили в неё, как вода в сухую землю - медленно, но неотвратимо. Она знала, что это правильное решение, но от этого оно не становилось легче. Потому что собрать вещи значило признать, что всё кончено. Что та жизнь, которую она строила, больше не её.

Трубка замолчала, и Алиса осталась одна в тишине кухни, держа в руке телефон, который только что стал дверью наружу.

6глава

Утренний свет пробивался сквозь шторы спальни, и Алиса стояла посреди комнаты, глядя на шкаф. Внутри на вешалках висела её жизнь - платья, которые она надевала на их годовщины, свитер, в котором он обнимал её на диване, рубашка, купленная для отпуска, который теперь казался другим воспоминанием. Она выдвигала ящики и складывала в чемодан вещи, не глядя на них, на ощупь. Пальцы помнили ткань, но сердце уже не держалось за неё.

Она двигалась механически: джинсы, футболки, бельё, зарядка для телефона. Внутри неё не было злости -только сухая, вычищенная решимость. Не ради гордости. Она не хотела ему ничего доказывать. Она хотела не сойти с ума, и для этого нужно было уйти до того, как он вернётся и скажет что-то, что заставит её снова надеяться. Она знала, что если услышит его голос, если увидит его лицо, она может дрогнуть. Поэтому она уходила сейчас, пока тишина ещё держала её прямо.

Она обвела взглядом комнату: кровать, на которой она просыпалась пять лет, тумбочку, где стояла его фотография, стул, на котором висела его вчерашняя рубашка. Всё это было не её. Она оставляла не только мужа — она оставляла общую квартиру, общий быт, общие планы на выходные, на лето, на детей. И вместе с ними - ту новость, которую носила в себе и которая теперь некому была сказать. Она не открыла ящик комода, где между запасной зарядкой и старыми счетами лежал тест. Рука замерла в дюйме от ручки, но она отвела её, потому что сказать «у нас будет ребёнок» человеку, который полгода жил с другой, было невозможно.

Чемодан стоял на полу, почти собранный. Оставалось только закрыть молнию. Алиса стояла над ним, и в груди пульсировало что-то, что не было ни болью, ни гневом. Это была тишина перед шагом. Она опустилась на корточки, застегнула замок, и щелчок прозвучал в спальне как закрытая дверь. Один ящик остался неоткрытым, и она знала, что, уходя, оставляет там не только тест, но и последнее, что связывало её с надеждой.

7глава

Алиса стояла на лестничной площадке, и ключ в её пальцах казался тяжелее, чем обычно. Она смотрела на дверь, за которой осталось всё: и запах утреннего кофе, и незакрытый ящик с тестом, и пять лет жизни, которые теперь лежали по ту сторону замка. Она поднесла записку к глазам, перечитала написанное - короткие слова, выведенные чёрной ручкой на листке из блокнота: «Я ушла. Не ищи. Алиса».

Она повертела листок в руках, и бумага мягко хрустела, когда она складывала его пополам. Потом прислонила к лампе на прикроватной тумбочке, чтобы он заметил её сразу, как войдёт. Записка стояла там, маленькая и белая, и Алиса смотрела на неё, чувствуя, как внутри неё что-то затягивается - не боль, не облегчение, а что-то среднее, похожее на узел, который завязался намертво и больше не развяжется.

Она вышла на площадку, притворила за собой дверь, и щелчок замка прозвучал в тишине подъезда громче, чем хотелось. Она постояла ещё несколько секунд, прижавшись лбом к холод-

ной поверхности двери, вдыхая запах краски и дерева - привычный, домашний, но уже чужой. Потом отлепилась и пошла вниз, переступая ступени, которые помнила наизусть, но теперь они казались другими. Каждая ступень уводила её всё дальше от той жизни.

На первом этаже её ждала Катя. Она стояла у открытой двери подъезда, подпирая её плечом, и на ней была та же куртка, что вчера, когда она сказала: «Собирайся». Увидев Алису с чемоданом, она не сказала ни слова. Просто шагнула вперёд, молча взяла ручку чемодана из её руки, и повела его к выходу, не оборачиваясь. Алиса шла следом, чувствуя, как воздух на улице - свежий, ещё влажный от утренней росы - входит в лёгкие иначе, чем в квартире. Там он был тяжёлым, спёртым. Здесь - чистым, почти прозрачным.

Они сели в машину, и Катя завела мотор, не глядя на неё. Алиса смотрела в окно, на дома, которые проплывали мимо, и улицы, которые она знала наизусть, но теперь они стягивались в одну линию, уводящую её из прошлого. Она не обернулась.

8глава

Катя открыла дверь своим ключом, пропустила Алису вперёд, и прихожая встретила их запахом чужого дома - смесью корицы, старой мебели и кошачьего корма, хотя кота у Кати не было. Алиса стояла посреди коридора с чемоданом в руке, не зная, куда его поставить: ни крючка для одежды, ни свободного угла, только велосипед Кати, прислонённый к стене, и стопка её кроссовок, сваленных у порога. Она всё ещё держала ручку, и рука затекла, но она не решалась опустить чемодан на пол - будто это закрепило бы её здесь навсегда, в этом незнакомом пространстве, где ничего не пахло ею.

Катя сняла куртку, бросила её на велосипед и прошла на кухню, не оборачиваясь. Она включила свет, открыла холодильник, и оттуда пахнуло холодом, сыром и вчерашними пельменями. Она вытащила кастрюлю с супом, поставила на плиту, и огонь зашипел, разгоняя тишину. Алиса стояла у входа в кухню, глядя на спину подруги, которая двигалась привычно, без суеты, и в этом движении было что-то, что она не могла назвать - не забота, не жалость, а просто присутствие, как будто Катя знала, что делать, даже если сама Алиса не знала.

Они поели в молчании -суп был слишком горячим, и пар запотевал окно, а за ним уже стемнело. Катя сидела напротив, и её ложка звякала о тарелку ритмично, не быстро, не медленно. Потом она встала, достала из шкафа стопку одежды - старые спортивные штаны, футболку с логотипом группы, которую слушали обе в школе, - и протянула ей, не глядя в глаза.

-Переоденься. В этом ты уснёшь быстрее.

Алиса взяла вещи и пошла в ванную, где свет был жёлтым и тусклым, а зеркало в трещине посередине делило её отражение на две половины. Она сняла свою одежду, и ткань упала на кафельный пол, оставляя её в чужой футболке, пахнущей порошком Кати. Она смотрела на себя в зеркало - на лицо, которое было её, но не её, на глаза, которые смотрели куда-то внутрь, где ничего не было. Потом выключила свет и вернулась в комнату, которую Катя отвела ей: диван-книжка у окна, застеленный свежим бельём, стопка подушек, которые пахли лавандой.

Катя стояла в дверях, держа в руках кружку с чаем, и смотрела, как Алиса ложится, не раздеваясь, поверх одеяла, - она не знала, можно ли накрыться, нужно ли гасить свет, как будто в этом доме у неё не было ни одного права.

-Спи. Завтра ничего не изменится, но ты хотя бы отдохнёшь.

Она вышла, прикрыв дверь, и в коридоре погас свет. Алиса осталась одна в комнате, где всё было чужим: рисунок на обоях, трещина на потолке, шум машин за окном. Она лежала на спине, глядя в темноту, и тишина давила, но уже не так, как в той квартире. Здесь тишина была просто тишиной - без пустых стульев и незакрытых ноутбуков. Только её дыхание, и шум, и запах чужой лаванды, который она вдыхала, пока не провалилась в сон, не заметив, когда это случилось.

9глава

- Нет, я не хочу рассказывать про Дениса, - сказала Алиса, и голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. - Я хочу рассказать, что я чувствовала, когда собирала чемодан. Как пальцы помнили ткань его рубашки, но сердце уже не держалось за неё.

Катя сидела рядом на диване в прихожей, и её молчание было плотнее любых слов. Она не перебивала, не утешала - просто слушала, и в этом слушании было что-то, что позволяло Алисе говорить дальше, не оглядываясь на то, как это звучит.

- Я думала, что если скажу это вслух, станет легче. Но нет. Стало только реальнее.

Катя кивнула, и Алиса увидела, как в её глазах мелькнуло что-то - не жалость, а узнавание. Будто она сама когда-то стояла на пороге и решала, говорить или молчать.

Через два дня Катя сказала, что записала её к психологу. Имени она не назвала, только адрес и время. Алиса не спорила. Она уже устала от себя, от того, что каждое утро просыпалась с одной и той же мыслью, которая застревала где-то в горле и не находила выхода.

Кабинет оказался маленьким и светлым: окно во всю стену, два кресла, столик с чашками. Марина сидела в одном из кресел, и её лицо было совершенно спокойным - не добрым, не строгим, а просто присутствующим. Алиса села напротив, и воздух между ними был ещё пустым, не заполненным словами.

- Что ты чувствуешь сейчас, в теле? - спросила Марина.

Алиса замерла. Она готовилась говорить о Денисе — о его измене, о полугодовой переписке, о том, как он смотрел на неё, когда прощался перед командировкой. Она хотела объяснить, рассказать, выложить факты, чтобы кто-то другой их разобрал и сказал, что делать. Но вопрос был не о нём. Вопрос был о ней.

- Я… - начала она, и голос застрял. - Я не знаю. Я не думаю о себе так. Я думаю о том, что случилось, о том, что он сделал. Но о себе - нет.

Марина ждала, не заполняя паузу. Тишина в кабинете была не тяжёлой - она была просто тишиной, в которой можно было услышать собственное дыхание, собственный пульс. Алиса смотрела на свои руки, лежащие на коленях, и чувствовала, как внутри неё что-то пытается сформироваться, но не находит слов.

- Я чувствую холод, -сказала она наконец, и голос прозвучал удивлённо, будто она сама только что это осознала. - В пальцах. И в груди. Как будто там ничего нет, только пустота, из которой вынули всё тёплое.

Марина не кивнула, не похвалила. Она просто смотрела, и в её молчании было разрешение продолжать. Алиса смотрела на неё, и пауза затягивалась, как нить, которую она держала в руке и боялась отпустить.

10глава

Марина не пошевелилась - ни чтобы сократить паузу, ни чтобы заполнить её фальшивым теплом. И в этой неподвижности было столько принятия, сколько Алиса не чувствовала ни от кого за последние недели. Даже от Кати, чьё присутствие спасало, всё равно исходила лёгкая нотка «ну когда уже ты перестанешь». Здесь — просто воздух, в котором можно было провалиться на самое дно и не бояться, что тебя оттуда выдернут раньше времени.

- Я играла роль, — сказала Алиса, и голос прозвучал сухо, как лист, который рассыпается, если сжать его пальцами. - Пять лет. Я была женой, которая всё понимает, которая поддерживает, которая не лезет в телефон, не задаёт лишних вопросов. Я была удобной. И я так хорошо в это вжилась, что сама поверила, будто это и есть я.

Она замолчала, и молчание длилось дольше, чем она привыкла выдерживать. Раньше она заполняла пустоту словами-парашютами - «но ничего», «всё нормально», «я справлюсь». Сейчас не было сил на парашюты.

- А кто ты без роли? -спросила Марина. Не подсказывая ответ, не смягчая вопроса. Просто поставив его перед ней, как чашку с водой, из которой можно пить, а можно и не пить.

Алиса смотрела на свои руки и чувствовала, что вопрос - единственная честная вещь, случившаяся с ней за долгое время. Потому что ответа у неё не было. За слоем «жена Дениса», «контент-менеджер», «подруга, которая не жалуется» - пустота. Не трагическая, а просто неисследованная территория, на которую она боялась ступить, потому что не знала, выдержит ли её почва.

- Я не знаю,- сказала она, и в голосе не было слёз. Только констатация. Как если бы она сказала «сегодня вторник». - Я не знаю, кто я без него. Без того, чтобы быть чьей-то. Я не помню, чего хотела до того, как мы встретились. Я не помню, чтобы у меня были желания, которые не касались его.

Она подняла глаза на Марину, и в этом взгляде был вызов - не ей, а себе. Потому что сказать это вслух значило принять, что пять лет она отсутствовала в собственной жизни. Что не Денис её предал - она сама предала себя задолго до того, как он открыл переписку с другой.

- Я остаюсь, -сказала Алиса, и это прозвучало как обещание, данное не психологу, а той, кем она могла бы стать. - Я не уйду, не закроюсь, не скажу «мне лучше». Я здесь, и мне страшно, и я не знаю ответов.

Марина не кивнула. Не похвалила. Просто выдержала паузу, давая словам осесть, а потом произнесла:

- Хорошо. Через неделю, в то же время. И первое, что я попрошу тебя сделать дома, - не заполнять тишину. Когда почувствуешь, что привычно тянешься к делам, к мыслям о нём, к любым действиям, которые заглушают, - остановись. И спроси себя: «Чего я хочу сейчас?» Не «что мне нужно сделать», не «что от меня ждут», а - чего я хочу.

Вопрос повис в воздухе, не находя ответа, потому что Алиса не помнила, когда в последний раз задавала его себе. Она взяла сумку, встала и вышла из кабинета, и на лестнице остановилась, прижавшись лбом к прохладной стене, чувствуя, как внутри неё этот вопрос застревает, как заноза, которую не вытащить, пока не привыкнешь к ней жить.

11глава

- Я пыталась,- сказала Алиса, и в голосе её звучало что-то похожее на усталое разочарование, которого она сама от себя не ожидала. - Всю неделю я подходила к этому вопросу, как к краю обрыва. Стояла над раковиной с грязной чашкой и думала: «Чего я хочу сейчас?» И в голову приходило только: «Я хочу, чтобы этого не случилось. Я хочу, чтобы Денис был дома. Я хочу, чтобы мне не было больно».

Марина слушала, не перебивая, и свет из окна падал на её лицо ровным, не дающим теней потоком. В кабинете было тепло, но не душно - где-то за окном, на улице, уже по-осеннему желтели деревья, и лист клёна прилип к стеклу, трепеща на ветру. Алиса смотрела на этот лист, а не на Марину, потому что говорить, глядя в окно, было легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.